

СВЕТ МОЕЙ ДУШИ

Архив сожжённых рукописей

Эвен Тресс

**Свет моей души. Архив
Сожженных Рукописей**

«Автор»

2026

Тресс Э.

Свет моей души. Архив Сожженных Рукописей / Э. Тресс —
«Автор», 2026

Иногда правда скрывается там, где её пытались уничтожить. Практика в академии магии должна была стать обычным испытанием. Но всё идёт не так. Студенты гибнут в проклятом лесу. Голоса в голове Лерии становятся всё громче. А случайно открытая дверь приводит её туда, где не должен был оказаться никто — в Архив сожжённых рукописей. Место, где хранятся тайны, за которые когда-то убивали. Теперь Лерия начинает понимать: её жизнь была построена на лжи. Друзья могут оказаться врагами. Враги — теми, кто пытался её защитить. И чем ближе она подбирается к правде, тем яснее становится одно: иногда знание опаснее самой тёмной магии.

© Тресс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эвен Тресс

Свет моей души. Архив Сожженных Рукописей

Глава 1

Весна в этом году выдалась поздней и неохотной.

Снег еще лежал в тени стен и под старыми елями, но уже сдавал позиции — рыхлый, зернистый, кое-где тронутый желтизной прошлогодней травы, которая упрямо пробивалась наружу. Воздух пах талой водой, прелой листвой и той особенной, щемящей свежестью, которая бывает только на границе зимы и весны, когда солнце уже прогревает, но ветер все еще кусает за щеки.

Я стояла у окна в нашей с Элретом башенке и смотрела, как с крыши соседнего корпуса падают капли. Кап... кап... кап... Они разбивались о каменный карниз, и брызги разлетались мелкими алмазами, вспыхивали на миг в скупом весеннем свете и гасли. Где-то вдалеке кричали птицы, вернувшиеся с юга, и их голоса врезались в тишину острыми, живыми нотами.

Три месяца.

Три месяца я не видела Ирвина.

Эта мысль жила во мне, как заноза — не слишком болезненная, чтобы кричать, но достаточно неприятная, чтобы помнить о ней каждую минуту. Три месяца он избегал меня. На лекциях — садился в другой конец аудитории. В столовой — уходил, едва завидев. На общих тренировках звена — общался только через Салаада или Джули, демонстративно не замечая моего присутствия. Будто я стала пустым местом. Будто той прогулки у пруда, тех разговоров, того подарка... ничего этого не было.

Плащ.

Я перевела взгляд на спинку стула, где аккуратно висел белоснежный мех. Он был таким же красивым, как и в тот день — мягким, пушистым, невесомым. Три месяца я не решалась его надеть. Три месяца он висел здесь, молчаливым укором, напоминанием о том, что я так и не смогла объясниться.

А ведь могла. Должна была.

В тот же день, когда я очнулась в лазарете, когда Элрет накрыл нас пологом и сказал те страшные и спасительные слова «юная Аргеллари», когда я в порыве благодарности обняла его, а он, дурак, даже не отстранился... В тот же день, через несколько часов, когда я все еще была в больничной сорочке, за мной пришли.

— Адептка Аруна, — голос посыльного был бесстрастным, как у автоматона. — Вас требует ректор. Немедленно.

Элрет тогда проводил меня взглядом, полным тревоги. Я видела, как он сжал кулаки, как напряглись мышцы на его шее — там, где еще розовел тонкий шрам.

— Хочешь, пойду с тобой? — спросил он тихо.

— Нельзя, — я покачала головой. — Вызывают только меня. Если пойдешь ты... это будет выглядеть подозрительно.

— А то, что было здесь, не выглядело подозрительно? — он усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

Я не ответила. Просто накинула халат поверх сорочки, сунула ноги в те самые сапоги, что он подарил мне еще осенью, и вышла.

Коридоры академии в тот день казались бесконечными. Каждый шаг отдавался в висках глухим стуком, каждый встречный взгляд — а их было немало, весть о том, что случилось на практике, разнеслась быстро — прожигал кожу. Я шла и чувствовала себя раздетой. Не физически — морально. Слишком много тайн, слишком много лжи, слишком много страха спрессовалось в эти месяцы.

Дверь кабинета ректора была приоткрыта. Изнутри доносились голоса — Айронса, магистра Ланса, еще кого-то, кого я не узнавала.

— ...невозможно отрицать очевидное, — говорил Ланс. — Это был классический прорыв дара. Свет, интенсивность, характер плетения — все указывает на истинное целительство.

— Я не отрицаю, Ланс, — голос Айронса звучал ровно, без эмоций. — Я пытаюсь понять, как это сочетается с ее уровнем магии при поступлении. Пять единиц, магистр. Пять.

— Я же объяснял вам, — в голосе Ланса послышалось раздражение. — Блок. Самоблокировка дара. Такое случается, хоть и редко. Сильный стресс в детстве — и организм предпочитает «усыпить» силу, чем позволить ей причинить вред. А варг, напавший на нее в четыре года... это более чем достаточный стресс.

— Допустим. — Айронс помолчал. — Но почему она сама не знала? Почему не чувствовала?

— Потому что блокировка была полной. Она могла не ощущать ничего, кроме смутной тяги, которую списывала на интерес к целительству. Многие из нас, ректор, начинали именно так — с интереса, с тяги, с необъяснимого желания помогать. Разница лишь в том, что у обычных целителей дар проявляется постепенно, а у нее... у нее он был заперт. И прорвался, когда цена вопроса стала слишком высока.

Я замерла за дверью, прислушиваясь. Ланс защищал меня. Снова. В который раз. И мне было стыдно. Стыдно до рези в груди, до комка в горле, до горячих слез, которые я с усилием заглотнула обратно. Он верил в меня. А я... я собиралась ему лгать.

— Входите, Аруна, — голос Айронса прозвучал неожиданно громко. — Нечего подслушивать.

Я вздрогнула, толкнула дверь и вошла.

В кабинете было четверо. Айронс сидел за своим массивным столом, сложив руки перед собой. Ланс стоял у окна, опираясь на посох. Двое других магистров — я узнала магистра Вельту с лекарского факультета и еще одного пожилого мужчину в мантии целителя, имени которого не знала — расположились на стульях у стены.

— Садитесь, — Айронс указал на стул напротив себя.

Я села, стараясь держать спину прямо и не теребить край халата. Сорочка под ним была тонкой, и я чувствовала себя совершенно незащищенной.

— Адептка Аруна, — начал Айронс без предисловий. — То, что произошло на практике, не может остаться без внимания. Вы проявили дар, который... редок. Чрезвычайно редок. Истинное целительство. Вы понимаете, что это значит?

— Я... — голос дрогнул. Я сглотнула, заставила себя говорить ровнее. — Я не знала. Честно. Я думала... я всегда думала, что я просто артефактор. Ну, неудавшийся. Что у меня проблемы с источником, со стабильностью... Но чтобы целитель...

— Вы хотите сказать, что не подозревали о своем даре раньше? — спросила магистр Вельта. В ее голосе не было враждебности, только профессиональное любопытство.

— Я... — я заставила себя вспомнить ту легенду, что мы обсуждали с Элретом. — Мне всегда нравилось целительство. С детства. Я любила наблюдать за нашими лекарями, когда они работали. Могла часами сидеть в лазарете, смотреть, слушать. Мне казалось это... важным. Правильным. Но в нашем роду все были артефакторами. Отец, мать, дед... Все. И меня готовили к этому. Я думала, что моя тяга к целительству — просто интерес. Хобби.

Я запнулась, подбирая слова.

— А в четыре года... был варг. Нападение. Я не помню подробностей, только страх. Дикий, ледяной страх. И темноту. После этого у меня начались проблемы с магией. Стихийная так и не проснулась. Источник стал нестабильным. Я думала, что это последствия травмы. Что я просто... сломалась.

Ланс слушал внимательно, чуть склонив голову. В его глазах было что-то теплое, ободряющее — и от этого врать становилось еще тяжелее.

— Магистр Ланс предположил, — осторожно добавила я, — что дар мог заблокироваться сам. От страха. Чтобы не причинить мне вреда.

— Такое бывает, — кивнул Ланс, обращаясь к остальным. — Я встречал описания подобных случаев в старых трактатах. Самоблокировка дара в ответ на сильный стресс. Организм ребенка предпочитает «усыпить» силу, чем рисковать тем, что она выйдет из-под контроля. Потом, с годами, блок может ослабнуть, но полное снятие происходит только в момент крайнего напряжения.

— В момент, когда ваш напарник истекал кровью у вас на руках, — тихо добавила Вельта. Я вздрогнула, вспомнив. Кровь Элрета, горячая, липкая, заливающая пальцы. Его глаза, стекленеющие, уходящие в пустоту. Свет, рвущийся из груди...

— Да, — выдохнула я. — Я не думала. Просто... не могла позволить ему умереть.

— Это типично для целителей, — Ланс чуть улыбнулся. — Эмпатия, сострадание, неспособность пройти мимо чужой боли. Это не выбирают. Это либо есть, либо нет.

Айронс молчал, и его молчание давило тяжелее любых вопросов. Я чувствовала на себе его взгляд — темный, пронизывающий, будто он видел меня насквозь, видел каждую ложь, каждую недомолвку, каждый страх.

— Магистр Ланс, — сказал он наконец. — Вы упомянули, что такие случаи... редки. Но они описаны?

— Описаны, — подтвердил Ланс. — В библиотеке ордена Святого Луки в Аривии хранятся записи о семи подтвержденных случаях за последнюю тысячу лет. В четырех из них блок снялся спонтанно в момент угрозы жизни близкого человека. В трех — так и остался, и люди прожили жизнь, не зная о своем даре.

— Адептка Аруна, — Айронс перевел взгляд на меня. — У вас были... предчувствия? Странные эмоции по отношению к больным или раненым? Может быть, к... врагам?

Я замерла на мгновение. Это был опасный вопрос. Очень опасный. Я вспомнила тот день в Лекарском крыле, когда мы наблюдали за зараженным юношей. Тот парень с черными глазами, стоящий столбом посреди палаты. И то, как во мне закипало, рвалось наружу, кричало: «Исцели! Ты можешь! Ты должна!»

— Было, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал задумчиво, будто я сама только сейчас это осознаю. — Когда мы... когда я была в группе наблюдателей за зараженными. Тот юноша... — я запнулась, вспоминая. — Он стоял и смотрел в стену. Абсолютно пустой. И мне... мне захотелось зайти к нему. Не смотреть, не записывать — зайти и исцелить. Это было... почти физическое желание. Я с трудом сдержалась.

Ланс кивнул, и в его глазах мелькнуло удовлетворение.

— Именно так, — подтвердил он. — Целительский зов. Невозможность пройти мимо страдающего. Для сильных даров это не просто желание — это потребность, которую приходится контролировать усилием воли. Адептка Аруна, вы справились. Это говорит о силе характера не меньше, чем о силе дара.

Вельта и второй целитель закивали, обмениваясь понимающими взглядами. Я видела, как смягчились их лица, как исчезло напряжение из поз. Они поверили. Они действительно поверили в эту историю о самоблокировке, о случайном пробуждении, о благородном порыве.

А мне было стыдно.

Стыдно до тошноты, до дрожи в коленях, до желания провалиться сквозь землю. Ланс, добрый, мудрый Ланс, который спас меня в лесу, который привел в академию, который защищал перед ректором месяц за месяцем — он смотрел на меня с теплотой и гордостью. Он верил, что я — та, за кого себя выдаю. Что я просто талантливая, немного сломанная девушка из обедневшего рода, в которой наконец проснулся великий дар.

А на самом деле я была принцессой-предательницей, которую ищет вся Гелла. Дочерью убитого короля. Сестрой той, кто, возможно, стояла за всем этим кошмаром.

Если правда откроется... если они узнают, кто я на самом деле...

Я представила, как меняется лицо Ланса. Как тепло в его глазах сменяется ужасом, потом гневом, потом презрением. Как он отворачивается, и в его молчании читается приговор: «Ты лгала мне. Ты предательница. Ты — та, из-за кого гибнут люди».

От этой мысли стало холодно. Холоднее, чем в самую лютую зимнюю ночь.

— Адептка Аруна, — голос Айронса выдернул меня из оцепенения. — Вы понимаете, что теперь ваше обучение должно измениться?

Я моргнула, возвращаясь в реальность.

— Простите?

— Истинный целитель не может учиться на артефактора, — ровно сказал он. — Это не просто смена специализации. Это другой путь, другие нагрузки, другие требования. Вы будете переведены на факультет целительства. С сегодняшнего дня.

Я открыла рот, пытаясь осознать услышанное. Факультет целительства. Там, куда я мечтала попасть с самого начала. Там, где я смогу учиться тому, к чему у меня действительно есть способности. Но цена...

— Вашу новую форму можете получить у кастелянши сегодня же, — продолжил Айронс. — Расписание занятий изменится. Вам выдадут новый график. Все вопросы по зачетам и перезачетам пройденных дисциплин решите с магистром Лансом.

— Я... — голос сорвался. — Спасибо.

— Не благодарите, — отрезал Айронс. — Это не милость. Это необходимость. Вы нам нужны. Райто нужны сильные целители. Особенно сейчас.

Он сделал паузу и обвел взглядом присутствующих.

— Магистры, вы свободны. Магистр Ланс, задержитесь. Адептка Аруна, останьтесь тоже. Нам нужно обсудить детали.

Ланс чуть нахмурился, но кивнул. Вельта и второй целитель поднялись, поклонились ректору и вышли. Дверь за ними закрылась с мягким, почти неслышным щелчком.

Мы остались вдвоем. Я, Ланс и Айронс.

В кабинете повисла тишина. Такая густая, что можно было резать ножом. Солнце, пробивавшееся сквозь высокие окна, рисовало на полу длинные золотистые полосы, в которых танцевали пылинки. Где-то вдалеке часы пробили полдень — глухо, размеренно, будто отсчитывая последние мгновения перед чем-то важным.

Айронс молчал, и его молчание было тяжелее любых допросов. Я сидела, вцепившись пальцами в подлокотники стула, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Он не поверил. Я знала это с самого начала. Он слушал, кивал, задавал вопросы — но не поверил ни единому моему слову.

Айронс молчал.

Долго. Очень долго. Секунды тянулись, как резиновые, каждая — отдельной маленькой вечностью. Я сидела, вцепившись в подлокотники, и чувствовала, как под тонкой тканью халата по спине стекает холодная капля пота. Ланс переминался с ноги на ногу у окна, и даже его обычная невозмутимость дала трещину — я видела, как он то и дело бросает на ректора обеспокоенные взгляды.

Наконец Айронс шевельнулся. Медленно, будто принимая какое-то важное решение, он поднялся из-за стола и подошел к высокому шкафу в углу кабинета. Дверцы распахнулись с тихим скрипом, и я увидела то, что заставило сердце пропустить удар.

Шар.

Тот самый, которым магистр Ланс измерял мою силу несколько месяцев назад. Прозрачный, чуть мерцающий, на подставке из черного дерева. Он стоял на верхней полке, и в полумраке шкафа казался почти живым — внутри него переливались какие-то тени, двигались, дышали.

— Раз уж мы заговорили о смене факультета, — голос Айронса звучал ровно, будто он обсуждал погоду, — неплохо бы понимать, с чем мы имеем дело. Подойдите, Аруна.

Я встала. Ноги слушались плохо — казалось, они налились свинцом за эти минуты неподвижного сидения. Подошла. Протянула руку.

Шар под пальцами был холодным, как тот, в лазарете, когда Ланс проверял меня в первый раз. Я глубоко вдохнула, постаралась расслабиться, отогнать лишние мысли. Просто позволить магии течь. Не контролировать. Не сдерживать. Просто...

Шар вспыхнул.

Я зажмурилась от неожиданности — свет был ослепительным, белым, чистым. Он лился изнутри, заполняя всю комнату, проникая в самые темные углы, заставляя пылинки в солнечных лучах танцевать бешеный танец. Когда глаза привыкли, я рискнула взглянуть на цифры.

Они плясали, прыгали, никак не могли устояться. 480... 520... 490... 510... Нестабильно, рывками, но цифры были такими, что у меня перехватило дыхание.

Пятьсот.

Минимум пятьсот единиц.

Я смотрела на шар и не верила своим глазам. Пятьсот — это даже не уровень сильного мага. Это уровень архимага. Это уровень... это уровень Эрики до всего, что с ней случилось.

И главное — я чувствовала себя... хорошо. Нет, не просто хорошо. Потрясающе. Будто всю жизнь ходила с заложенным носом и наконец смогла вздохнуть полной грудью. Будто с плеч свалилась гора, которую я даже не замечала, потому что привыкла к ней за столько лет. Магия текла по венам теплом, силой, жизнью.

— Пятьсот тридцать семь, — голос Айронса прозвучал откуда-то издалека. — В пике — пятьсот шестьдесят два. Нестабильно, но... впечатляет.

Я обернулась. Он стоял у стола, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с тем же непроницаемым выражением. Ланс подошел ближе, вглядываясь в цифры, и его лицо осветилось такой радостью, что мне стало стыдно. Снова.

— Пятьсот! — выдохнул он. — За всю историю наблюдений в Райто не было таких показателей у первокурсников. Даже у Таллиана, даже у Ирвина... Это... это невероятно.

— Невероятно, — согласился Айронс. — Но не бесконечно.

Он шагнул ко мне, и я непроизвольно сжалась под его взглядом.

— Запомните, Аруна. Силы у вас много, очень много. Но она не бесконечна. И чем больше вы будете тратить, не понимая, как восполнять, тем быстрее исчерпаете резерв. А когда резерв пуст... — он сделал паузу. — Вы знаете, что бывает с истинными целителями, когда они продолжают тратить?

Я знала. Конечно, знала. Меня учили этому с детства, еще до того, как дар заблокировался. Истинные целители — особая каста. Мы можем черпать из второго резерва, из собственной жизненной силы. Но цена за это — здоровье, а иногда и сама жизнь.

Но я не могла этого показать. Я должна была изображать непонимание, удивление, страх перед неизвестностью.

— Я... — я сглотнула, стараясь, чтобы голос звучал растерянно. — Я не знаю. Никто не рассказывал.

Айронс прищурился. Всего на миг, но я успела заметить этот взгляд — острый, пронизывающий, будто он видел меня насквозь.

— Тогда слушайте внимательно, — сказал он, отворачиваясь к окну. — Ланс, введите ее в курс дела. Подробно. Я хочу, чтобы адептка понимала, с чем столкнулась.

Ланс кивнул и подошел ко мне. Его лицо было серьезным, но в глазах горел тот самый огонек, который бывает у ученых, когда они находят редкий экземпляр.

— Лерия, — тихо начал он, — то, что ты сделала на практике... это не просто целительство. Это истинный дар. Таких, как ты, во всем мире сейчас... — он запнулся, пересчитывая в уме. — Одиннадцать человек. Вернее, теперь двенадцать. Ты — двенадцатая.

Я опустила глаза, делая вид, что перевариваю информацию. А про себя поправила: одиннадцать. Потому что я не новая, я та, кого они не знают. Истинный дар у меня был всегда, просто заблокирован. Так что в мире по-прежнему одиннадцать истинных целителей, просто один из них — я.

— Истинное целительство отличается от обычного, — продолжил Ланс. — Оно позволяет лечить дольше, справляться с более тяжелыми ранениями. Ты можешь вытащить человека с того света, если его душа еще не успела покинуть тело. Даже не понимая до конца, как работает сердце или печень — магия сама подскажет, сама поведет. Это интуитивный уровень, недоступный обычным целителям.

Он говорил, а я кивала, изображая завороченность. На самом деле я знала все это. Знала с детства, из уроков, из книг, из наблюдений за придворными лекарями. Но сейчас важно было не выдать себя.

— И главное отличие, — Ланс понизил голос, — ты не можешь выгореть. Совсем. Обычный маг, исчерпав резерв, падает без сил и может никогда не восстановиться. Истинный целитель... у него есть второй резерв. Жизненная сила.

— Жизненная сила? — переспросила я, стараясь, чтобы в голосе звучало любопытство.

— Да. Когда основной резерв пуст, ты начинаешь тратить свою жизнь. Буквально. Сначала это просто недомогание — кровь из носа, головная боль, слабость. Ты болеешь, но остаешься жив. Если продолжать... — он замолчал, подбирая слова. — Если вычерпать и этот резерв, ты начнешь тратить минуты, часы, дни своей жизни. Вплоть до того, что можешь умереть, спасая кого-то другого.

Я слотнула. На этот раз по-настоящему. Потому что знала: это правда. Истинные целители умирают молодыми не потому, что их убивают, а потому что они сами отдают жизнь по капле, не в силах пройти мимо чужой боли.

— Поэтому тебе нужно учиться, — твердо сказал Ланс. — Учиться сдерживать себя. Понимать, когда можно помочь, а когда — уже поздно. Иначе ты просто упадешь замертво однажды, пытаясь спасти того, кого спасти невозможно.

Я кивнула. В горле стоял ком.

Айронс, все это время стоявший у окна и смотревший куда-то вдаль, обернулся. Его лицо было бесстрастным, но я снова поймала тот взгляд — изучающий, оценивающий.

— Мы приняли решение, — сказал он. — Следующие три месяца вы будете заниматься отдельно от всех. Индивидуальная программа с магистром Лансом. Ваша задача — научиться контролировать дар. Не давать ему управлять вами. Понять свои пределы и не переступать их.

Я открыла рот, чтобы спросить про остальное, но он продолжил:

— Тренировки с вашим напарником, Лазором, сохраняются. Но от общих занятий звена вас освободят. Слишком велик риск, что вы сорветесь и начнете лечить всех подряд, не думая о последствиях. Вам нужно время, чтобы привыкнуть к новой силе.

— Я понимаю, — тихо сказала я.

— Идите, — Айронс махнул рукой. — Ланс, задержитесь.

Я вышла в приемную на ватных ногах. В голове шумело — пятьсот единиц, отдельные занятия, второй резерв, жизненная сила... Слишком много всего за один раз. Слишком быстро.

Приемная была пуста. Секретарь, суровая женщина лет пятидесяти, которую все боялись как огня, куда-то отлучилась. На столе остались недопитый чай и стопка бумаг.

Я замерла.

Дверь в кабинет ректора была прикрыта неплотно. Оставалась щель — тонкая, едва заметная, но достаточная, чтобы слышать голоса, если прижаться ухом.

Я знала, что подслушивать нехорошо. Знала, что если поймают — не поздоровится. Но любопытство и страх пересилили. Я сделала шаг, потом другой, приникла к щели.

— ...не понимаю, — голос Ланса звучал взволнованно, даже растерянно. — Что не так, ректор? Это же чудо! Истинный целитель в нашей академии! Да еще с таким потенциалом! Вы помните, как она вылечила келлу принца? Интуитивно, не думая, просто подошла и исцелила! Теперь я понимаю, почему у нее тогда получилось. И почему она не сдержалась на практике. Это все объясняет!

— Объясняет, — согласился Айронс. Его голос звучал глухо, будто он о чем-то напряженно думал. — Но не все, Ланс. Не все.

— Что именно?

— Она — подданная Геллы, — напомнил Айронс. — Беженка. У нее нет здесь ни дома, ни семьи, ни обязательств перед короной. Вопрос: останется ли она в Райто, когда получит диплом? Или вернется на родину?

Ланс молчал. Я представила, как он хмурится, обдумывая слова ректора.

— И это не единственный вопрос, — продолжил Айронс. — Слишком много совпадений вокруг этой... Аруны. Появилась из ниоткуда. Прибилась к Лансу в лесу. Поступила в академию, хотя ее знания были ниже плинтуса. Подружилась с Лазором, который обычно никого к себе не подпускает. Привлекла внимание Ирвина. И в довершение всего оказалась истинным целителем с пятьюстами единицами силы.

Он усмехнулся. Я кожей чувствовала эту усмешку.

— Совпадения, Ланс, имеют свойство накапливаться. И когда их становится слишком много, они перестают быть совпадениями.

— Вы подозреваете ее в чем-то? — голос Ланса дрогнул.

— Я ничего не подозреваю, — холодно ответил Айронс. — Я наблюдаю. И вам советую. Докладывайте мне о каждом ее занятии. О каждом успехе и каждой неудаче. Мне нужно знать, как быстро она учится и на что способна на самом деле.

Тишина. Потом снова голос ректора — на этот раз задумчивый, почти сожалеющий:

— Трина Караль теперь в звене крон-принца не нужна. Истинный целитель там куда уместнее. Жаль девчонку, но... политика есть политика. Хотя, если подумать, странно, что Лерика...

Дальше я не расслышала — голос стал совсем тихим, слова слились в неразборчивый шепот. Я прижалась ухом плотнее, пытаюсь уловить хоть звук, и в этот момент...

— Адептка Аруна!

Я подскочила на месте, будто меня током ударило. Обернулась.

В дверях приемной стояла секретарь. Та самая суровая женщина, которую все боялись. Она смотрела на меня поверх очков, и в этом взгляде читалось все: презрение, возмущение, и легкое злорадство человека, который только что поймал провинившегося студента.

— Вы... вы что здесь делаете? — голос ее звенел от негодования. — Подслушиваете?! За дверью ректора?!

— Я... я просто вышла и...

— Молчать! — рявкнула она. — Я все видела! Стояла, прижималась ухом, как последняя шпионка! Это же надо! В моей приемной! Под дверью ректора!

Я открыла рот, пытаюсь придумать хоть какое-то оправдание, но мозг отказывался работать. Слишком много всего свалилось за последний час. Слишком много страха, стыда, информации.

— Отработка! — отрезала секретарь, сверля меня взглядом. — Библиотека. Четыре часа в день. Всю неделю. Все свободное время до самого отбоя. Будете переписывать каталоги, мыть полы, чистить пергаменты — я лично прослежу, чтобы работы хватило!

— Но у меня занятия...

— Занятия у нее! — фыркнула женщина. — Вот после занятий и будете отрабатывать. И не вздумайте пропустить — я проверю! А теперь вон отсюда, пока я не передумала и не доложила ректору о вашем... вашем неподобающем поведении!

Я вылетела из приемной пулей.

Коридоры плыли перед глазами. Я шла, не разбирая дороги, и в голове крутилось услышанное.

Он не верит. Айронс не верит ни единому моему слову. Он следит, наблюдает, ждет. Он уже понял, что я не та, за кого себя выдаю. И вопрос только во времени — когда он сложит все кусочки мозаики и поймет, кто я на самом деле.

Трина больше не нужна в звене Ирвина. Меня хотят поставить на ее место. Ирвин — крон-принц. Я буду в его звене.

Мысль обожгла, как удар током.

Ирвин, который три месяца избегает меня. Ирвин, который не хочет даже смотреть в мою сторону. Ирвин, который застал меня в объятиях Элрета и ничего не захотел слушать.

Как я буду с ним в одном звене? Как вынесу его взгляд — холодный, чужой, полный презрения?

А Элрет? Он согласится на это? Или снова начнется та глухая вражда, что едва не стоила нам жизни на практике?

И главное — что скрывается за словами Айронса? Почему он не выгнал меня сразу, если подозревает? Чего ждет?

Я остановилась посреди коридора, прислонившись спиной к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали.

Библиотека. Четыре часа в день. Вся неделя.

Я раздосадованно выдохнула. Секретарша, варг бы ее побрал, выбрала самое лучшее наказание. В библиотеке полно народу, там не посидишь спокойно, не обдумаешь все. Там придется работать, переписывать, мыть, чистить — и ни минуты на размышления.

Но, с другой стороны...

Я услышала много ценного. Очень много. И теперь знала, что Айронс следит за мной. Что Ланс будет докладывать. Что меня, возможно, переведут в звено к Ирвину. И что времени у меня мало — очень мало.

Нужно придумать, как быть дальше. Как сохранить тайну. Как не выдать себя. Как...

Я оттолкнулась от стены и пошла к нашей с Элретом башенке.

Нужно поговорить с ним. Рассказать все. Посоветоваться.

Потому что одна я с этим не справлюсь.

Глава 2

В комнате было тихо.

За окном давно стемнело, и только редкие магические фонари во дворе бросали на потолок дрожащие блики. Я сидела на кровати, поджав под себя ноги, и смотрела на ширму, за которой возился Элрет. Слышно было, как он перекладывает какие-то вещи, как скрипят половицы под его шагами — привычные, почти успокаивающие звуки за эти месяцы.

Завтра нам разрешат присоединиться к общей тренировке.

Мысль эта не приносила облегчения. Наоборот — где-то под ложечкой противно сосало от предчувствия. Три месяца мы тренировались отдельно, и я знала, что это из-за меня. Из-за того, что я должна была научиться контролировать свой дурацкий дар, не бросаться исцелять каждого встречного, не тратить силы на тех, кому уже не помочь. Ланс был терпелив, объяснял снова и снова, заставлял медитировать, дышать, считать до ста, прежде чем позволить себе хоть каплю магии.

Я научилась. Почти.

Но цена этого «почти» была высокой. Мы с Элретом отстали от общего звена. Пока остальные отработывали командные взаимодействия, учились чувствовать друг друга в бою, мы торчали на малом полигоне и долбили в спаррингах, пытаясь наверстать упущенное. Он не жаловался. Ни разу. Только хмурился иногда, когда я слишком долго зависала в мыслях, и пинал меня локтем, возвращая в реальность.

— Лерик, — голос Элрета выдернул меня из размышлений. — Ты чего там застыла? Иди спать давай. Завтра вставать рано.

— Не спится, — отозвалась я.

Он помолчал, потом ширма скрипнула, и его голова показалась в проеме. Растрепанный, в одной рубашке, с вечно нахальным выражением лица.

— Рассказывай.

— Что рассказывать?

— То, из-за чего ты не спишь уже третью ночь. Я же вижу, Козявочка. Думаешь, я не замечаю, как ты в потолок пялишься?

Я вздохнула. Спорить с ним было бесполезно — если уж Элрет вцеплялся во что-то, вытащить его оттуда могли разве что магистры всем советом.

— Садись, — я похлопала по кровати рядом с собой. — Разговор есть.

Он удивился, но послушно обошел ширму и плюхнулся на край моей постели. Кровать жалобно скрипнула под его весом.

— Слушаю.

Я помолчала, собираясь с мыслями. Как объяснить то, что я сама до конца не понимала?

— Помнишь, я говорила тебе, что знала о своем даре? Ну, до того, как он... проснулся?

— Помню. — Он кивнул. — И что меня бесит больше всего, так это то, как ловко ты врала магистрам. Я бы поверил.

— Спасибо, — усмехнулась я. — Наверное.

К чему ты клонишь?

Я глубоко вздохнула.

— Я действительно умею контролировать дар. Ну, в смысле, всегда умела. Меня учили этому с детства. Я знаю, когда можно лечить, а когда — поздно. Знаю, сколько сил тратить, чтобы не убить себя. И эти три месяца... — я запнулась. — Мне было трудно притворяться, что я учусь с нуля. Трудно делать вид, что я не понимаю, о чем говорит Ланс. Но это еще полбеды.

— А что не полбеды?

Я посмотрела на него. В полумраке его глаза казались почти черными, только редкие отблески фонарей выхватывали золотые крапинки.

— Когда я вижу зараженных... тех, в Лекарском крыле... мне правда трудно сдерживаться. Я знаю, что им уже нельзя помочь. Ланс объяснил, что это не просто болезнь, это что-то другое, что магия не берет. Но мое естество... оно требует. Кричит. Хочет исцелить, даже если разум понимает — бесполезно.

Элрет нахмурился.

— А кто сказал, что бесполезно?

— Что?

— Кто сказал, что нельзя помочь? — повторил он. — Ланс? Другие целители? Они же обычные, Лерик. У них нет твоего дара. У нас в Райто до сих пор не было истинных целителей. Откуда они знают, на что ты способна?

Я открыла рот и закрыла. Эта мысль приходила мне в голову, но я гнала ее, боялась даже думать в этом направлении.

— Элрет, я не единственный целитель, — возразила я. — Проблема с зараженными есть везде. В Гелле, в Аривии, здесь... Если бы истинный дар мог помочь, об этом бы знали. В архивах, в книгах...

— В каких книгах? — перебил он. — В тех, что сгорели? В тех, что хранятся в местах, куда никто не суется? Лерик, ты сама говорила, что об истинных целителях мало что известно. Что их почти не осталось. Может, просто некому было пробовать?

Я молчала, переваривая его слова.

— И потом, — продолжил он, — может, тебя просто берегут? Не хотят рисковать зря? Ты для них — уникум, редкий экземпляр. Если ты погибнешь, попытаюсь вылечить безнадежного, кто потом будет лечить остальных?

— Ты думаешь, Ланс специально... — начала я.

— Я ничего не думаю, — отрезал Элрет. — Я просто говорю, что есть варианты. А ты сидишь и мучаешься, вместо того чтобы разобраться.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается что-то горячее. Не злость — решимость. Он был прав. Я слишком долго боялась, слишком долго откладывала.

— Элрет, — сказала я тихо. — Мне нужно кое-что тебе показать.

Я встала, подошла к своему столу и достала из ящика то, что лежало там три месяца, завернутое в старую тряпицу. Дневник сестры.

Он смотрел, как я разворачиваю ткань, как провожу пальцами по обложке. Вопросов не задавал — ждал.

— Это дневник Эрики, — сказала я, садясь рядом. — Моей сестры. Той самой, которую теперь считают королевой Геллы.

Элрет присвистнул сквозь зубы.

— Ничего себе улика. И давно он у тебя?

— С той самой ночи. Она отдала его мне перед... перед тем, как все началось. Я не знаю зачем. Может, хотела, чтобы я поняла. Может, предупредить пыталась. — Я помолчала. — Тогда она была еще нормальной. Я уверена. До нападения на замок Эрика была... собой. Странной, замкнутой, но собой. А потом...

— Думаешь, она могла быть заражена?

Вопрос повис в воздухе. Я смотрела на дневник в своих руках и не находила слов. Эта мысль преследовала меня все три месяца, но озвучить ее вслух я не решалась.

— Не знаю, — наконец сказала я. — Никто не понимает, как ведут себя зараженные. Почему одни сходят с ума сразу, а другие... другие могут притворяться нормальными? Может, она была заражена еще до того, как все случилось? Может, поэтому она изменилась? Поэтому читала эти книги про нечисть, поэтому...

Я замолчала, потому что голос сорвался.

Элрет взял дневник из моих рук. Осторожно, будто это было что-то хрупкое. Пролистал несколько страниц, вглядываясь в корявый, дергающийся почерк на поздних записях.

— Я не слышал, чтобы Эрика вела себя странно, — сказал он задумчиво. — Теперь она королева Геллы, участвует в советах, принимает решения... Правда, — он усмехнулся, — я не слышал, чтобы хоть кто-то ее видел.

— В смысле?

— В прямом. Она правит, но не показывается. Все указы идут через советников. На переговоры с соседями высылает представителей. Даже на коронации, говорят, была в густой вуали — мол, траур по отцу и сестре-предательнице не позволяет показывать лицо.

Меня пробрал холодок.

— Ты думаешь...

— Я ничего не думаю, — перебил он. — Я просто мальчишка, которому повезло быть полезным короне. В королевский дворец меня не пускают, с советниками я не общаюсь. Все, что знаю — слухи да сплетни.

Он протянул мне дневник обратно.

— Но если ты спрашиваешь мое мнение... да, это возможно. Очень возможно.

Я сидела, сжимая дневник, и думала. Эрика — зараженная? Эрика, которая закрыла меня собой от варга, которая нянчилась со мной в детстве, которая дарила световые шары, потому что боялась темноты... Если это правда, то все, что произошло — не ее вина. Она не предательница. Она жертва.

— Лерик, — голос Элрета выдернул меня из оцепенения. — Давай посмотрим вместе.

— Что?

— Дневник. Ты же говорила, там могут быть полезные сведения. Наблюдения, записи. Может, она писала что-то о заражении, о симптомах, о том, как это происходит. Если мы поймем, может, сможем помочь остальным.

Я смотрела на него и чувствовала, как к глазам подступают слезы. Не от горя — от облегчения. Он не осуждал. Не боялся. Просто был рядом и готов был помочь.

— Мне тяжело, — призналась я. — Каждый раз, когда я открываю его, я думаю о том, что с ней случилось. В какой момент все пошло не так. Была ли это тьма, или она сама...

— Поэтому мы откроем его вместе, — твердо сказал он. — Ты не одна, Козявочка. Запомни это.

Я кивнула, вытерла глаза рукавом и положила дневник между нами на кровати.

— С чего начнем?

— С начала, — Элрет перелистнул на первые страницы. — С того, что было до. Может, там есть ключ.

Я смотрела, как его пальцы переворачивают страницы, и думала о том, как странно устроена жизнь. Еще полгода назад я была принцессой, мечтала о балах и красивых платьях, ссорилась с сестрой из-за мальчиков. А теперь сижу в тесной комнате в военной академии чужой страны, с парнем, которого тогда даже не знала, и пытаюсь разобраться в тайне, от которой зависит жизнь тысяч людей.

Мы сидели так близко, что я чувствовала тепло его плеча. Дневник сестры лежал между нами, раскрытый на первых страницах — там, где почерк еще был аккуратным, ровным, почти каллиграфическим. До того, как все пошло не так.

Элрет перелистывал страницу за страницей, и я видела, как меняется выражение его лица. Сначала просто любопытство, потом удивление, потом — неподдельное изумление.

— Лерик, — сказал он вдруг, и в голосе его звучало что-то странное. — Ты это видела? Ты вообще смотрела, что здесь написано?

— Ну... — я запнулась. — Пролистывала. Но читать... читать было тяжело. Слишком много всего.

— Так посмотри сейчас.

Он развернул дневник ко мне, ткнув пальцем в разворот. Я пригляделась.

Это была классификация. Эрика, с ее педантичностью, разделила нечисть на виды, подвиды, описала повадки, слабые места, способы защиты. Рядом с каждым описанием — рисунок. Вурдалаки — быстрые, с длинными когтями, ядовитая царапина. Зомби — медлительные, тупые, но опасные числом. Мавки — прекрасные девушки, которые никогда не поворачиваются спиной, потому что там зияет страшная рана. Упыри, кикиморы, русалки...

— Это же... — я подняла глаза на Элрета.

Элрет присвистнул — тихо, но выразительно.

— Кладезь информации, — закончил он за меня. — Лерик, это же бесценно! Здесь описано то, с чем наши магистры на фронте учатся бороться методом тыка! Сколько народу погибло, потому что не знали, что вурдалаков нужно жечь огнем, а зомби — рубить на куски и сжигать! А тут — все! С рисунками, с пояснениями, с классификацией!

Он говорил все громче, все взволнованнее, и я испугалась, что нас услышат через стены.

— Тише ты! — шикнула я. — Разбудишь всю башню!

— Да плевать! — отмахнулся он, но голос все же понизил. — Лерик, ты понимаешь? Это надо передать магистрам. В армию. Королю. Это спасет сотни, тысячи жизней!

Я молчала, переваривая его слова. Он был прав, конечно. Информация в дневнике действительно могла помочь. Но...

— Элрет, — сказала я тихо. — Если я передам это магистрам, они спросят, откуда у меня дневник. И тогда... тогда мне придется рассказать все. Кто я. Откуда. И что моя сестра...

Я не договорила. Он понял.

— Твоя сестра теперь королева Геллы, — закончил он за меня. — Та, которая обвинила тебя во всем. Та, из-за которой тебя ищут как преступницу.

— Да.

Повисла тишина. Я слышала, как за окном шумит ветер, как где-то вдалеке перекликаются ночные птицы. Элрет сидел, уставившись в дневник, и я видела, как напряженно работает его мысль.

— Ладно, — сказал он наконец. — Пока ты права. Тебе лучше затаиться. Если твое имя всплывет... сама знаешь, что будет. Но информация! Лерик, эту информацию нельзя хоронить.

— Я знаю.

— Дай мне подумать. — Он потер лоб, взъерошил и без того лохматые волосы. — Дай мне просто подумать. Должен быть способ передать сведения, не раскрывая тебя.

— Ты согласен? — удивилась я. — Ты правда думаешь, что это возможно?

— Не знаю, — честно ответил он. — Но не попробовать — глупо. Если эти твари будут и дальше лезть, нам всем конец. И твоей тайне тоже — кому какая разница, кто ты, если все умрут?

Я не нашлась, что ответить. Он снова уткнулся в дневник, перелистывая страницы, и я заметила, как расширились его глаза, когда он дошел до середины.

Мы сидели молча, рассматривая страницы. Я чувствовала, как напряжение потихоньку отпускает — разговор о дневнике, о том, что делать с информацией, отвлек от более тяжелых мыслей. И тут Элрет, не глядя на меня, бросил:

— Слушай, Лерик, а ты не хочешь...

— Стоп.

Я подняла руку, останавливая его. Он удивленно посмотрел на меня.

— Что?

— Вот это, — я ткнула пальцем в воздух. — «Лерик». Мне не нравится.

— Что не нравится?

— Сокращение. Ты называешь меня «Лерик», и это... это звучит как-то по-мужски, что ли. И вообще, я козявочка, если ты забыл. К этому я уже привыкла.

Элрет усмехнулся, но как-то растерянно.

— Да ладно тебе, Козявочка. Я просто... ну, сократил. Лерик — и все.

— А мне не нравится, — упрямо повторила я. — Ты же знаешь мое настоящее имя. Лерия. И оно... оно похоже на Лерику. Но я соскучилась по своему имени. По-настоящему.

— Э, нет, — он покачал головой. — Ты сама мне его однажды выдала. Помнишь? На башне, когда просила стать твоим напарником. Я спросил, как тебя зовут, а ты машинально поправила — «Лерия».

Я помнила. Конечно, помнила. Тот дурацкий момент, когда я прокололась в первый раз.

— И что мне теперь делать? — спросила я с вызовом. — Всю жизнь притворяться, что я — это не я?

— Притворяться, что ты Лерика, — поправил он. — Потому что если ты объявишь, что ты Лерия Аргеллари, ничем хорошим это не кончится. Тебя схватят, начнут допрашивать, ментально сканировать... и даже если докажешь, что невиновна, сколько времени пройдет? А пока ты будешь доказывать, твари сожрут полкоролевства.

Я молчала, потому что он был прав. Опять.

— Но я понимаю, — добавил он тише. — Тяжело, когда тебя называют чужим именем. Когда ты не можешь быть собой.

Я подняла на него глаза. В полумраке его лицо казалось серьезным, почти взрослым.

— Знаешь что, — сказал он вдруг, и в голосе его мелькнула знакомая насмешка. — Я придумал.

— Что?

— Компромисс. — Он улыбнулся. — Буду звать тебя Лери.

— Лери?

— Ну да. Лери. Это и от Лерики, и от Лерии. Обоим именам подходит. И звучит нормально, не по-мужски. Как тебе?

Я задумалась. Лери. Коротко. Просто. И действительно — подходит обоим моим именам.

— Лери, — повторила я вслух, пробуя на вкус. — Лери. Знаешь, а неплохо.

— Согласна?

— Согласна.

— Отлично. — Он довольно кивнул. — Тогда по рукам, Лери. С этого момента ты для меня — Лери.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время — легко, без надрыва.

— По рукам, — сказала я и протянула ему ладонь.

Он пожал ее — коротко, крепко, по-мужски. И сразу отпустил, утыкаясь обратно в дневник.

— Так на чем мы остановились? Ах да, классификация. Смотри, сколько всего написано. Вурдалаки, зомби, мавки... Я даже не слышал о половине. А тут и слабые места указаны, и способы защиты. Твоя сестра, похоже, серьезно этим занималась.

— Слишком серьезно, — тихо сказала я. — Может, поэтому с ней это и случилось?

— Может, — пожал плечами Элрет. — А может, наоборот — она готовилась. Чувствовала, что надвигается. Видела то, чего не видели другие.

Я молчала, обдумывая его слова. Эрика действительно изменилась задолго до той ночи. Может, она пыталась предупредить? А я, отец, все вокруг — просто не слушали?

— Лери, — Элрет ткнул пальцем в очередной разворот. — А это что?

Я придвинулась ближе, вглядываясь в рисунок. Подросток лет шестнадцати. Обычное лицо — правильные черты, русые волосы, падающие на лоб. Таким парням улыбаются

девушки, таким пишут письма матери. Но глаза... глаза были абсолютно черными. Черными, как бездна. Черными, без зрачков, без белков, без единого проблеска света.

Точно такими я видела зараженных в Лекарском крыле. Теми же самыми — обычные люди, в которых просто не осталось ничего.

— Гуль, — прочитал Элрет подпись внизу. — Никогда такого не видел. А ты? В Лекарском крыле, когда вы наблюдали за зараженными, попадались такие?

Я кивнула, не в силах отвести взгляд от рисунка.

— Да. Такие же. Обычные лица, но глаза... глаза черные. Пустые. И они не двигаются, не моргают, просто стоят и смотрят в одну точку. Будто внутри никого нет.

— Жуть, — Элрет поежился. — И тут твоя сестра их рисовала. Значит, она их видела. До того, как все началось.

— Да.

Я смотрела на рисунок и чувствовала, как внутри поднимается что-то холодное. Это лицо. Оно было знакомым. Я видела его раньше. В замке. До той ночи. До того, как все рухнуло.

— Лери? — голос Элрета донесся будто издалека. — Ты чего?

Я не могла ответить. Только смотрела на рисунок, и перед глазами все плыло.

— Лери! — он схватил меня за плечи. — Дыши. Просто дыши. Что случилось?

Я подняла на него глаза, чувствуя, как по щекам текут слезы.

— Я... — голос сорвался. — Я же его помню.

Глава 3

Мы сидели на моей кровати, привалившись плечом к плечу, и дневник сестры лежал между нами раскрытый на странице с рисунком. За окном давно погасли последние огни, и только редкие магические фонари во дворе бросали на потолок дрожащие блики. Где-то вдалеке прокричала ночная птица, и ее голос врезался в тишину острым, тревожным звуком.

— Лери, — голос Элрета звучал тихо, почти бережно. — Ты можешь мне объяснить? Потому что я ничего не понимаю.

Я подняла на него глаза. В полумраке его лицо казалось бледным, встревоженным, и от этого почему-то становилось спокойнее — он был рядом, он был настоящим, он не исчезал.

— Что именно?

— Всё. — Он ткнул пальцем в рисунок. — Этот парень. Ты сказала, что помнишь его. Кто он?

Я смотрела на изображение подростка с черными глазами, и внутри поднималась тяжелая, вязкая волна. Русые волосы, падающие на лоб. Худые плечи. Обычное лицо — такое обычное, что в толпе не заметишь. Но я замечала. Я видела его раньше. Много раз.

— Это был оруженосец моей сестры, — сказала я тихо. — Ее первый оруженосец.

Элрет удивленно вскинул брови.

— Оруженосец? У твоей сестры? Но она же принцесса. Зачем принцессе оруженосец?

— А что такого? — я искренне не поняла. — Я вот поступила в вашу военную академию. И ничего.

Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то невероятно наивное.

— Лери, ты серьезно? Принцессы освобождены от военной службы. Во всех королевствах. Это же элементарно — наследницы престола не должны рисковать жизнью на поле боя. Тем более... — он запнулся.

— Что?

— Тем более девушек стали принимать в военные академии совсем недавно. Грозная академия и вовсе открыла двери для женщин только при нынешнем короле. — Он помолчал. — Айван Темпестар, если ты забыла имя короля Райто.

Я не забыла. Просто в тот момент думала о другом.

— И много нас? — спросила я. — Девушек, я имею в виду?

— На боевом факультете? — он усмехнулся. — Смешные единицы. Пара человек, и те из бедных семей, кому нечего терять. Для аристократки такая карьера — почти позор. Другое дело уметь защитить себя — это почетно, этому учат дочерей в хороших домах. Но оруженосец... — он покачал головой. — Оруженосец нужен тому, кто серьезно занимается фехтованием, кто участвует в турнирах, кто готовится к военной карьере. Зачем все это принцессе, если вокруг всегда есть мужчины, способные ее защитить?

Я молчала, переваривая его слова. Для меня, выросшей в Гелле, это звучало дико. У нас было иначе.

— В Гелле совсем другие порядки, — сказала я наконец. — Мы не ставим таких глупых ограничений. У нас в армии прекрасные лучницы и разведчицы. Боевые артефакторы, маги поддержки... Женщины служат наравне с мужчинами, если у них есть сила и желание.

— Да, — кивнул Элрет. — Артефакторами и магическими существами Гелла всегда славилась. У вас в этом смысле свободы больше.

— Магическими существами? — переспросила я. — Ты о чем?

— Ну, в старых преданиях... — он пожал плечами. — У нас в Райто тоже рассказывают сказки о соседних королевствах. Про ваших воительниц, например.

Я улыбнулась. В детстве нянька рассказывала мне эти истории перед сном. О прекрасных девах в сверкающих доспехах, о битвах в небе, о чудовищах, которые служили им верой и правдой.

— Ты про горгулий? — спросила я.

— Про кого?

— Горгулий. Каменных созданий с крыльями, которые оживали по ночам и служили воительницам Геллы. — Я помолчала, вспоминая. — В наших преданиях говорится, что в древности, когда на мир напали полчища тьмы, именно женщины-воительницы верхом на горгульях поднялись в небо, чтобы защитить наши земли. Их называли Ночными Стражами. Считалось, что они могли видеть в темноте, слышать на расстоянии в несколько лиг и чувствовать приближение любой нечисти за много миль.

— Красивая легенда, — заметил Элрет.

— Не просто легенда. — Я покачала головой. — В старых хрониках, которые хранились в замковой библиотеке, были записи о них. О том, как они обучались, как выбирали себе горгулий, как сражались. Говорили, что связь между воительницей и ее каменным зверем была магической — они чувствовали друг друга на любом расстоянии, могли обмениваться мыслями, даже видеть глазами друг друга.

— И что с ними стало?

— Никто не знает. — Я пожала плечами. — Предания сохранились, хроники — да, но самих горгулий я никогда не видела. Даже статуй. В Гелле нет ни одного изображения этих созданий. Только описания в древних книгах. Каменная кожа, огромные перепончатые крылья, светящиеся глаза и когти, которые могли разорвать сталь.

— Жутковато, — заметил Элрет.

— Наверное. Но в историях они всегда были на стороне добра. Защитниками, а не монстрами. — Я задумалась. — Хотя... кто знает, как оно было на самом деле? Вдруг те, кого мы считаем чудовищами, на самом деле просто другие? Как драконы — их же боятся, а они разумны, у них своя культура, свои законы.

— Драконы — другое дело, — усмехнулся Элрет. — Они хотя бы существуют. А горгульи... может, их вообще никогда не было?

— Может, — согласилась я. — Но истории красивые. И в них есть что-то, что заставляет задуматься.

— О чем?

— О том, что мы не знаем своего прошлого. О том, что правда может быть совсем не такой, какой мы ее представляем.

Мы замолчали. В этой тишине не было напряжения — только тепло, только уют, только ощущение, что можно говорить о чем угодно и тебя поймут. С Элретом было легко. Удивительно легко для человека, который еще полгода назад казался мне чужим и опасным.

— Знаешь, — сказала я, возвращаясь к прежней теме, — в Гелле действительно многое иначе. Я выросла в мире, где женщины могут все. Где сестра с двенадцати лет участвовала в юношеских турнирах и побеждала. Где я сама мечтала стать боевым магом, а не просто красивой куклой на балах.

— Участвовала в турнирах? — переспросил Элрет. — Твоя сестра?

— Да. — Я улыбнулась, вспоминая. — Эрика была потрясающим фехтовальщиком. Не то что я — у меня с мечом всегда было плохо, руки слабые. А она... она словно рождена была с клинком в руке. Я маленькая сидела на трибунах и смотрела, как она тренируется. Мне казалось, что она — богиня войны. Сошедшая с небес, чтобы показывать смертным, как надо сражаться.

— Звучит красиво, — заметил Элрет.

— Так и было. — Я помолчала. — А потом... потом начались странности.

— Какие?

Я перевела взгляд на рисунок. На подростка с черными глазами, на его обычное лицо, в котором не осталось ничего человеческого.

— Вот этот парень, — я коснулась пальцем страницы. — Он был первым оруженосцем Эрики. Ей тогда было всего четырнадцать. Она была счастлива — наконец-то у нее появился кто-то, кто будет помогать на тренировках, носить оружие, учиться вместе с ней.

— И что случилось?

— Они уехали на охоту. — Голос мой дрогнул. — Эрика, он и еще один оруженосец. Тогда еще была жива мама. Отец был весел, ничего не боялся, спокойно отпустил дочь с сопровождением. Никого не смутило, что она поехала одна, с мальчишками. Это было нормально — она принцесса, она умеет за себя постоять.

— А потом?

— Он не вернулся.

Тишина стала гуще, тяжелее. Элрет молчал, и я чувствовала, как он напрягся рядом.

— Что значит — не вернулся?

— То и значит. — Я сцепила пальцы, чтобы не дрожали. — Они уехали втроем. Вернулись двое. Эрика и второй оруженосец. А этот... этот пропал. Его искали, конечно. Обшарили весь лес. Ни следа. Ни тела. Ничего.

— И что дальше?

— Скандал. — Я поморщилась, вспоминая. — Родители юноши, убитые горем, обвинили Эрику в убийстве. Представляешь? Мою сестру, у которой тогда была безупречная репутация, обвинили в том, что она убила собственного оруженосца.

— На каком основании?

— Ни на каком. Просто отчаяние. Им нужен был виноватый, а кто виноват, если не та, с кем он уехал в последний раз? При дворе, конечно, никто не воспринял эти обвинения всерьез. Эрику все любили, она была идеальной принцессой — красивой, сильной, умной. Кто бы поверил, что она способна на убийство?

— Но ты веришь?

Вопрос повис в воздухе. Я долго молчала, прежде чем ответить.

— Не знаю, — сказала я наконец. — Тогда я была маленькой, мне было лет пять-шесть. Я не понимала, что происходит. Просто знала, что сестра вернулась грустная, что при дворе какие-то неприятности, что мама с папой о чем-то спорят за закрытыми дверями. А потом все как-то утряслось. Забылось.

— А теперь?

— А теперь я смотрю на этот рисунок и думаю. — Я провела пальцем по черным глазам подростка. — Эрика нарисовала его. Задолго до того, как все началось. Она знала, что он стал... этим. Гулем. И молчала.

— Может, не знала? — осторожно предположил Элрет. — Может, просто рисовала с натуры, а он таким и был?

— Он не был таким. — Я покачала головой. — Я помню его. Обычный мальчишка. Живой. Веселый. Он улыбался мне, когда я бегала по дворцу. Однажды поймал меня, когда я чуть не упала с лестницы. У него были нормальные глаза. Человеческие.

— А потом?

— А потом он пропал. А теперь я вижу его здесь. С черными глазами. С пустотой внутри. И подписью «гуль».

Мы замолчали. Каждый думал о своем. Я — о сестре, о том, что она знала и молчала. Элрет — о чем-то своем, о чем не говорил вслух.

— Странная история, — наконец сказал он. — Очень странная. И неудобная.

— Да.

— И что ты собираешься делать?

Я посмотрела на него. В полумраке его глаза казались почти черными, но в них было тепло. Настоящее, живое тепло.

— Не знаю, — честно призналась я. — Пока просто... жить дальше. Учиться. Тренироваться. А там видно будет.

— Правильно, — кивнул он. — Иногда лучшее, что можно сделать — это просто продолжать идти. А ответы придут сами.

— Ты так думаешь?

— Я так знаю. — Он усмехнулся. — У меня самого вопросов больше, чем ответов. И ничего — живу как-то.

Я улыбнулась. Легко, свободно, без надрыва.

— Спасибо, Элрет.

— За что?

— За то, что ты есть. За то, что слушаешь. За то, что не осуждаешь.

— А за что осуждать? — он пожал плечами. — Ты не выбирала свою семью, как и я. Не выбирала, что случится. Ты просто пытаешься выжить и разобраться в этом бедламе. Как и все мы.

— Наверное.

— Ложись спать, Лери. — Он поднялся, и кровать жалобно скрипнула, освобождаясь от его веса. — Завтра тяжелый день. Тренировка с утра, потом занятия, потом...

— Потом? — переспросила я.

— Потом будем думать, что делать с этой информацией. — Он кивнул на дневник. — Я обещал придумать способ передать ее магистрам, не раскрывая тебя. И придумаю.

— Ты правда думаешь, что это возможно?

— Правда. — Он улыбнулся. — А теперь спи.

Я смотрела, как он обходит ширму, как скрипят половицы под его шагами, как он устранивается на своей кровати. Слышала, как он вздыхает, как ворочается, как затихает.

Дневник остался лежать между нами — на моей кровати, раскрытый на странице с рисунком.

Я долго смотрела на черные глаза подростка, на его обычное лицо, в котором не осталось ничего. Думала о сестре, о том, что она знала. О том, что молчала. О том, что случилось потом.

Что-то здесь было не так. Я чувствовала это кожей, нутром, каждой клеточкой тела. Слишком много совпадений. Слишком много странностей. Слишком много вопросов без ответов.

Но пока — пока я просто закрыла дневник, завернула его в тряпицу и убрала в ящик стола. Потом забралась под одеяло, уставилась в потолок и попыталась уснуть.

Мысли крутились в голове, как белки в колесе. Эрика. Оруженосец. Гуль. Черные глаза. Горгульи. Воительницы в небе, о которых нянька рассказывала мне в детстве — как они поднимались в воздух на своих каменных зверях, как их крылья заслоняли луну, как они разили врагов копьями, светящимися в темноте. Я почти видела их — высоких, прекрасных, в доспехах из полированного обсидиана, с лицами, скрытыми забралами. И горгульи под ними — огромные, каменные, с глазами, горящими янтарным светом, с когтями, оставляющими борозды в скалах.

Говорили, что последняя из Ночных Стражей погибла тысячу лет назад, защищая Геллу от нашествия демонов. Что ее горгулья не пережила потери и обратилась в статую, которая до сих пор стоит где-то в горах, оплакивая свою хозяйку каменными слезами.

— Лери, — донеслось из-за ширмы. — Ты спишь?

— Нет.

— И я нет. — Пауза. — Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Что в этой истории с оруженосцем что-то не так. Сильно не так.

— Я тоже так думаю.

— Мы разберемся, — сказал он. — Обязательно разберемся. А сейчас правда спи. Завтра новый день.

— Спокойной ночи, Элрет.

— Спокойной ночи, Лери.

Я закрыла глаза.

Сон пришел не сразу, но пришел — тяжелый, вязкий, полный теней. Мне снились горгульи. Каменные, крылатые, они сидели на башнях замка и смотрели на меня черными глазами — точно такими же, как у того подростка на рисунке. А потом одна из них расправила крылья и взлетела, и я увидела, что это вовсе не горгулья. Это была Эрика. В доспехах Ночной Стражи. С мечом в руке. И глаза у нее были черные-черные, без зрачков, без белков, без единого проблеска света.

Я проснулась в холодном поту и долго сидела, прислушиваясь к тишине.

За ширмой ровно дышал Элрет. Спал.

А я смотрела в потолок и думала о том, что сказала ему перед сном.

Что-то в этой истории было не так. Сильно не так.

И я должна была узнать правду. Чего бы это ни стоило.

Я долго ворочалась после пробуждения, пытаюсь уснуть. Мысли о сестре, о пропавшем оруженосце, о черных глазах на рисунке — все это смешалось в голове в густой, вязкий ком, который никак не желал распутываться. Я смотрела в потолок, считала трещины на камне, прислушивалась к дыханию Элрета за ширмой — ровному, спокойному, такому человеческому.

Где-то вдалеке прокричала ночная птица. Ветер шуршал за окном, иногда бросая в стекло пригоршни мелкого снега — весна весной, а ночи еще холодные. Я закуталась в одеяло плотнее, закрыла глаза и приказала себе спать.

Не помогло.

Тогда я начала вспоминать детство. Нашу с Эрикой комнату в замке, где мы играли в прятки, пока няньки не находили нас и не разводили по разным спальням. Мамин смех. Папины руки, подбрасывающие меня в воздух. Тепло, безопасность, любовь.

Глаза слипались сами собой. Дыхание становилось ровнее. Мысли таяли, как снежинки на ладони, и я проваливалась в темноту.

Сон был странным. Я стояла посреди хрустального леса — того самого, что снился мне раньше, когда я потеряла сознание после практики. Прозрачные деревья переливались в лунном свете, листья звенели на ветру, как тысячи крошечных колокольчиков. Пепел падал с неба — мягкий, серый, он оседал на плечах, на волосах, на ресницах.

Я сделала шаг, потом другой. Где-то впереди маячил замок — тот самый, из моих снов. Архив Сожженных Рукописей. Он звал меня. Манил. Тянул к себе невидимыми нитями.

— Лерия...

Голос донесся будто издалека. Тихий, настойчивый.

— Лерия, очнись...

Я хотела идти дальше. Хотела войти в замок, узнать наконец, что скрывается за его стенами. Но что-то мешало. Дергало. Тянуло назад.

— Лери!

Резкая боль пронзила пальцы — будто тысячи иголок впились в подушечки разом. Я дернулась, пытаюсь отстраниться, но чьи-то руки уже трясли меня за плечи — сильно, настойчиво, вырывая из липкой темноты сна.

— Лери, твою мать, просыпайся!

Я распахнула глаза.

Надо мной склонился Элрет. Растрепанный, бледный, в одних штанах — даже рубашки на нем не было. Его пальцы впивались мне в плечи с такой силой, что наверняка оставят синяки. В глазах — смесь страха и облегчения.

— Что... — голос сорвался. — Ты что творишь?!

Я села на кровати, оттолкнув его руки, и только тут осознала, в каком виде нахожусь. Тонкая ночная сорочка, почти прозрачная, с дурацкими кружевами по подолу. Та самая, в которой он уже заставлял меня однажды. С уточками.

— Ты! — зашипела я, вскидывая руки, чтобы прикрыть грудь. — Бесстыжий! Совсем охренел?! Врываешься посреди ночи, в таком виде, сам полуголый, я в сорочке...

— Лери, заткнись, — перебил он, и в голосе его было что-то такое, от чего я действительно замолчала. — Просто заткнись и посмотри.

Он отступил на шаг, освобождая обзор, и мой взгляд упал на стену.

Я замерла.

Каменная кладка, грубая, серая, старая — она была исцарапана. Глубокие борозды тянулись от пола почти до потолка, пересекались, накладывались друг на друга, складывались в какие-то символы, которые я не могла разобрать. Кто-то с чудовищной силой пытался выпарать на камне послание — и у него почти получилось.

Но самое страшное было не в царапинах.

Между ними, поверх них, прямо на каменной поверхности проступали тонкие полоски крови. Они светились в темноте — тускло, зловеще, пульсируя в такт моему сердцебиению. И складывались в слова.

Ничто не истинно, все ложно.

Ничто не истинно, все ложно.

Ничто не истинно, все ложно.

Ничто не истинно, все ложно.

Строка за строкой, раз за разом. Где-то буквы терялись, не отпечатавшись до конца, где-то, наоборот, были выведены с пугающей четкостью. Кровь стекала по камню тонкими ручейками, застывала в неровностях кладки, капала на пол.

Я смотрела на это послание и не могла пошевелиться.

— Кто... — голос превратился в хрип. — Кто это сделал?

Элрет молчал. Только смотрел на меня странно — будто видел впервые.

— Элрет! — я схватила его за руку. — Кто проник в нашу спальню?! Как? Ты же боевой маг, ты должен был почувствовать! Должен был проснуться! Как кто-то мог войти и...

Я замолчала, потому что вдруг почувствовала боль.

Пальцы саднили. Сильно, будто с них содрали кожу. Я поднесла руки к лицу и в ужасе уставилась на них.

Кончики пальцев были стерты в кровь. Ногти обломаны — некоторые под корень, другие торчали рваными осколками. Кожа висела лохмотьями, обнажая розовое, воспаленное мясо. Кровь все еще сочилась из ран, капала на одеяло, на сорочку, на пол.

— Нет, — прошептала я, не веря своим глазам. — Нет, нет, нет...

Я перевела взгляд на стену. На кровавые буквы. На глубокие царапины, которые можно было оставить только голыми руками, вкладывая в каждое движение нечеловеческую силу.

— Это... это я? — голос сорвался. — Я сама?

Элрет молча кивнул.

— Ты встала посреди ночи, — сказал он тихо. — Подошла к стене и начала... это.

Я смотрела на свои руки, на кровь, на стертые пальцы, и не могла поверить. Я ничего не помнила. Совсем ничего. Последнее, что было в памяти — хрустальный лес, пепел с неба, зовущий замок. А потом пустота.

— Что случилось? — спросила я, чувствуя, как слезы подступают к глазам. — Элрет, что случилось? Я ничего не помню.

Он вздохнул, провел рукой по лицу, взъерошил волосы.

— Мне снился плохой сон, — сказал он. — Какой-то кошмар, уже не помню. Я проснулся, хотел воды попить. И увидел тебя.

— Меня?

— Ты встала с кровати и пошла к ванной. Двигалась нормально, ровно, я подумал — по нужде. Отвернулся, налил воды. А когда обернулся... — он запнулся.

— Что?

— Ты не в ванную пошла. Ты к стене подошла. И стояла, глядя на камень. Я окликнул тебя — ты не ответила. Подошел ближе и понял, что глаза у тебя закрыты.

У меня перехватило дыхание.

— Закрыты?

— Да. Ты спала, Лери. Спала и при этом стояла, глядя на стену. А потом... потом начала царапать.

Он замолчал, и я видела, как ему трудно говорить об этом.

— Сначала медленно, будто пробуя камень. Потом быстрее. Сильнее. Я пытался тебя разбудить — тряс за плечи, кричал в ухо. Ты не просыпалась. Просто продолжала... это. — он кивнул на стену. — Пальцы уже были в кровь, а ты все царапала. Как будто не чувствовала боли. Как будто тебя там вообще не было.

— А потом?

— А потом я тебя все-таки добудился. — Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Думал, рехнусь, пока до тебя достучался. Ты очнулась, начала на меня орать...

— Извини, — прошептала я.

— Да ладно. — Он махнул рукой. — Я бы тоже орал, если б меня посреди ночи полуголый мужик тряс.

Мы замолчали. Я смотрела на стену, на кровавые буквы, на царапины. Смотрела на свои руки. И не могла поверить, что все это сделала я.

— Лери, — Элрет осторожно коснулся моего плеча. — Давно ты страдаешь лунатизмом? Я подняла на него глаза.

— Чем?

— Лунатизмом. Сомнамбулизмом. Когда люди ходят во сне, делают что-то, а потом не помнят. У нас в отряде был один парень, так его привязывали к койке, потому что он мог среди ночи встать и уйти в разведку. Чуть своих не перестрелял однажды.

Я покачала головой.

— Никогда. Ни разу в жизни.

— Совсем?

— Совсем. — Я посмотрела на свои руки. — Я всегда спала как убитая. Меня будили только гонг или ледяная вода. Никогда не вставала, не ходила, ничего не делала.

— А сегодня?

— А сегодня... — я запнулась. — Я не знаю. Мне снился странный сон. Хрустальный лес, замок, пепел с неба. Тот самый, что я уже видела. А потом... потом пустота. До того момента, как ты меня разбудил.

Элрет нахмурился.

— Хрустальный лес? Замок? Тот, про который ты говорила? Архив?

— Да.

Мы переглянулись. В его глазах читалось то же, что я чувствовала сама — смесь страха и недоумения.

— Лери, — сказал он тихо. — Посмотри на стену. Что там написано?

Я обернулась. Кровавые буквы пульсировали в темноте, складываясь в бесконечное повторение одной и той же фразы.

— «Ничто не истинно, все ложно», — прочитала я вслух. — «Ничто не истинно, все ложно». Раз за разом.

— Ты понимаешь, что это значит?

Я покачала головой.

— Нет. Но я уже видела эти слова.

— Где?

— Во сне. — Я поморщилась, пытаюсь вспомнить. — В том сне, после практики. Там был свиток, горящий, но не сгорающий. И на нем было написано... кажется, это. Или что-то похожее. Я не уверена.

Элрет молчал, переваривая информацию. Потом вдруг резко встал, подошел к стене, провел пальцем по кровавым буквам.

— Кровь еще свежая, — сказал он. — Ты серьезно поранилась, Лери. Надо обработать, пока заражение не началось.

— Какое заражение? — я тупо смотрела на свои руки.

— Обычное. Раны, грязь, инфекция. — Он вздохнул. — Сиди здесь, я принесу аптечку.

— Элрет...

— Что?

— Ты не боишься? — спросила я тихо. — Меня? Того, что я могу сделать во сне?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Потом усмехнулся — той самой кривой усмешкой, которую я так хорошо знала.

— Лери, я видел, как ты вытащила меня с того света. Видел, как твоя магия работает, когда надо. Если б ты хотела мне навредить, ты б это сделала еще тогда, на практике. А не царапала бы стены дурацкими надписями.

Я хотела возразить, но он не дал.

— Сиди и не дергайся. Сейчас вернусь.

Он ушел, а я осталась сидеть на кровати, глядя на свои израненные руки и на стену, исписанную кровью.

«Ничто не истинно, все ложно».

Что это значило? Предупреждение? Угрозу? Пророчество?

И почему это написала я?

Элрет вернулся быстро — с аптечкой, с влажными тряпками, с пузырьками каких-то снадобий. Он сел рядом, взял мои руки в свои и начал обрабатывать раны. Делал это умело, бережно — видно, не в первый раз.

— Откуда ты знаешь, как это делать? — спросила я, глядя, как он смазывает мои пальцы какой-то пахучей мазью.

— Жизнь научила, — усмехнулся он. — Когда ты бастард и вечно влипаешь в истории, быстро учишься латать себя сам. Лекари не всегда рядом, да и платить им нечем.

— Больно, — поморщилась я, когда он коснулся особенно глубокой царапины.

— Терпи. Сама виновата.

— Я не виновата! Я не знаю, что это было!

— Знаю, — он вздохнул. — Просто злюсь, что не смог тебя разбудить раньше. Может, тогда бы ты так не покалечилась.

Я посмотрела на него. В полумраке его лицо казалось усталым, осунувшимся. Под глазами залегли тени.

— Ты не виноват, — сказала я тихо. — Ты сделал все, что мог.

— Не все. — Он покачал головой. — Ладно, давай руку. Эти надо перевязать.

Мы сидели молча, пока он бинтовал мои пальцы. Аккуратно, старательно, будто это была самая важная работа в мире.

— Элрет, — сказала я, когда он закончил.

— М?

— Спасибо. Что разбудил. Что не бросил. Что... просто есть.

Он усмехнулся.

— Не за что, Лери. Ты моя напарница. Мы в одной упряжке.

— Даже если я по ночам стены порчу?

— Тем более. — Он поднялся, убрал ап

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.